

В тот же вечер большая джонка пришвартовалась в пятнадцати ли от пристани Фэньчэна. В глуши с наступлением ночи тихо пробирались несколько гостей, следующих друг за другом. Впереди, конечно же, шёл виновник утреннего блестящего магического представления — Чао Ань.

— Князь Мин! — Чао Ань, поднявшийся с посторонней помощью, уже переоделся в чистый наряд, а его волосы, что до этого напоминали растрёпанную солому, были причёсаны, тело же казалось достаточно бодрым. Увидев Фэн Мина лично, Чао Ань горестно заплакал, позвал князя, и, сразу же рухнув на колени, задрожал и взволнованно добавил: — Благодетельный князь Мин спас жизнь, Чао Ань правда... правда не знает, как лучше отблагодарить...

Жена, поддерживая под руку супруга, тоже последовала его примеру и, опустившись перед лицом Его Светлости, задыхаясь от слёз, проронила:

— Доброту князя Мина мы с супругом никогда не забудем.

Блистательно улыбнувшись, князь поприветствовал пришедших и спешно проговорил:

— Скорее поднимитесь, скорее поднимитесь. Успокойтесь, я здесь, так что проблем не возникнет, потому вам лучше хорошенько отдохнуть.

Фэн Мин видел, как они в целости и сохранности взошли на корабль, отчего камень свалился с души. Плоды чрезвычайно важного представления сейчас стояли перед лицом, а невинно осуждённый человек избежал казни и живой и невредимый предстал перед ним, к тому же можно было сказать, что он почти в одиночку провернул план спасения. Что могло сильнее привести в восторг[1], чем это?

Цю Лань и близняшки хоть не встречались с Чао Анем и его женой, но все эти дни слушали, как Его Светлость вместе с Лэ Тином и остальными тайно разрабатывают план спасения; у девушек сложилось ощущение, будто они давно знакомы с несчастным виноделом, и, сейчас увидев его впервые, служанкам показалось, что они крайне близки с ним, после чего, спешно подбежав к мужчине, помогли ему подняться на ноги.

— Скорее поднимитесь, князь Мин заждался вас.

Цю Юэ, схватив под руку жену Чао Аня, потащила на себя, а увидев, что женщина беременная, ласково сказала:

— Ваш супруг наконец-то в безопасности, за все эти дни старшая сестрица достаточно вкусила горечи.

После произошедшего с её мужем женщина ни на волос не теряла надежды, ведь отчаяться — значит навлечь страдания, к тому же нужно было собрать все силы на собственную поддержку

и оставаться заботливой матушкой, действительно посторонним сложнее понять, каково это — находиться в горестном положении.

Сегодня, когда супруг был на свободе, женщина при утешающих словах Цю Юэ почувствовала, как в носу зашипало, и неожиданно, не сдержавшись, разразилась горестными слезами. Тайцань, взошедший вместе с ними на борт джонки, стоял рядом и смотрел на своих младшую сестру и зятя, при этом глаза наполнились слезами, но мужчина, сделав вид, будто песок попал, потёр уголки глаз, после чего, делано улыбаясь, обратился к младшей сестре:

— Зять уже спасён, нужно радоваться, так к чему тогда эти слёзы? Всё благодаря милости князя Мина. — И отвесил стоящему напротив Фэн Мину глубокий поклон.

Князь, придерживая чиновника, заставил того подняться на ноги, и, больше не позволяя ему вновь рассыпаться в благодарностях[2], позвал всех сесть, после чего подождал, пока чувства немного поутихнут, и только тогда стал расспрашивать Тайцаня о дальнейших планах.

— Да какие могут быть планы? — со вздохом ответил Тайцань. — После всего случившегося этот чиновник больше не может занимать свой пост. К счастью, наша семья, будучи чиновниками, в течение всех поколений откладывала по несколько сяоцянней[3], и, скопив немного, все члены семьи хотят покинуть Юньинь, чтобы с этого момента жить хоть в небольшом, но достатке.

Стоящий в стороне спасённый Чао Ань, смахнув слёзы счастья, присоединился к речи родственника:

— Как прикажет старший брат[4], так и будет. Я ничего не умею делать, у меня лишь одно ремесло — виноделие, после того, как окажемся на новом месте, я по-прежнему буду зарабатывать на жизнь, делая вино, чтобы содержать матушку и жену с ребёнком, — и счастливым взглядом посмотрел на живот супруги. — Сейчас единственное желание — увидеть рождение и взросление своего малыша.

Хоть эти слова являлись избитыми[5], но из уст человека, который стоял на пороге ада и выжил, они звучали крайне серьёзно.

Князь, кивнув, сказал:

— Верно, есть ребёнок, есть будущее, а значит, есть надежда. — Произнеся это, Фэн Мин невольно вспомнил о себе и Жун Тяне. Другим говорить о ребёнке вполне себе обыденно, однако он не мог родить Жун Тяню дитя, и если император Силэй захочет найти какую-нибудь женщину, чтобы оставить потомство, то князь наверняка не сможет согласиться с подобным решением.

Долгое время бросаясь от одной мысли к другой, Фэн Мин внезапно вспомнил Цай Цяня и почувствовал, что у них с императором Силэй есть «сын», во всяком случае, его можно было

считать таковым, вот только этот ребёнок не приходился родным сыном Жун Тяню... Говоря по существу, и князю он тоже казался чужим ребёнком. Так как же лучше решить данный конфликт[6]?

Заметив, как князь, упомянув обычную фразу, внезапно погрузился в свои рассуждения, Тайцань и остальные совершенно не понимали, что происходит.

Однако Цю Лань и близняшки уже давно привыкли к его мыслям, которые были подобны небесному скакуну, мчащемуся по воздуху[7], и, не зная куда деваться, служанка аккуратно ткнула юношу в бок и сказала, миловидно смеясь:

— Князь Мин снова отвлёкся. Скорее пейте штрафную чашечку вина.

— Э? — Будучи «разбуженным» действиями служанки, Фэн Мин рассмеялся, проронив: — И впрямь отвлёкся, штраф так штраф, вот только я пить не умею. Давай сделаем так, пусть Жун Ху вместо меня выпьет это вино. — И, подняв чашку, изворотливо переложил свою обязанность на голову Жун Ху.

Конечно, Цю Лань совершенно не хотела идти навстречу князю, даже близняшки закричали, что Его Светлость поступает нечестно. Когда подали вкусные закуски и вино, три очаровательные служанки, кокетливо улыбаясь, разговорились, и атмосфера горя и печали, что царила до этого, внезапно изменилась, превратившись в оживлённую. Не только Фэн Мин, но даже только что распускавший сопли и ливший слёзы Тайцань, как и все остальные, взбодрился, а чем больше подносили вина, тем хмельнее становились гости, и вот тогда действительно началось празднование великой магической победы.

После третьей чашки вина на сцене появился ещё один не менее важный персонаж — Лэ Тин.

Так как мужчина также являлся благодетелем семейства Тайцаня, все выбрались на палубу встретить и поприветствовать генерала. Лэ Тин был облачён в повседневную одежду и, взойдя на борт судна, снял маску, что прикрывала лицо, позволяя толпе лицезреть его. После чего вместе со всеми мужчина прошёл в гостиную и, сев на специально приготовленное для него место, с хохотом начал:

— Этот генерал много лет пробыл на войне, а такого представления никогда не видывал. Этот генерал считал, что ничто не способно меня напугать до смерти, однако кто бы мог подумать, что сегодня я почувствую вкус страха: как сердце заходится, а потом резко пропускает удар. Ха-ха, занятно, занятно! Весело! Весело! Чем быть наслышанным— лучше познакомиться лично, князь Мин проявил свой талант, который действительно оказался выдающимся[8]. — И, обратившись к Фэн Мину, поднял чашку: — За то, что я испытал вкус страха, князь Мин должен выпить по меньшей мере три чашки вина.

Ещё не успел Фэн Мин ответить, как прозорливая Цю Лань сразу же мягко проговорила:

— Три чашки вина генерала слишком много, князю Мину, как важному лицу, нельзя столько пить.

— Ха-ха! — И Лэ Тин сказал со смехом: — Даже служанки князя Мина такие милые! Вино, конечно, нельзя пить взамен еды[9].

Цю Юэ высунула очаровательный язычок, с насмешкой отзываясь:

— Генерал Лэ Тин не знает, но князь Мин крайне падок на вино[10].

Фэн Мин только и мог, что горько улыбнуться и посмотреть на своих бессовестных служанок, расположившихся рядом:

— Вы нарочно хотите, чтобы я напился? Хорошо! Пить так пить! — и, приняв поднесённое вино, с появившимся воодушевлением осушил все три чашечки. После выпитого лицо князя окрасилось в алый цвет.

Лэ Тин, поднося вино, пылко добавил:

— Магия князя Мина действительно оказалась бесподобной и непредсказуемой, даже я, изначально предчувствовавший разнообразные изменения в плане, был крайне взволнован, особенно после появления этого посланника Его Высочества, отчего наш план сработал безупречно[11]. Он здесь, а это значит, что даже у Его Высочества не возникнет к этому генералу каких-либо подозрений и вопросов, князь Мин действительно всё продумал и предусмотрел. Вот только этим утром лучше бы предупредили этого генерала, а не превращали шутку в правду, оглушая его. Откровенно говоря, этот генерал почти поверил, что о нашем плане узнали, и чуть не покрылся холодным потом от страха. А после, когда всё с представлением уладилось, тогда вздохнул с облегчением.

— Хо-хо, это... это... — Фэн Мин делано засмеялся, так как ему и впрямь было очень неловко, и, обернувшись, князь приглушённо спросил рядом стоящего Жун Ху: — Когда его вызволял из повозки, разве не объяснил, что это недоразумение?

Жун Ху тоже тихо вернул:

— Тогда положение было критическим, я только и мог, что сказать пару фраз, и то неясных. Тем более, как я мог в глазах генерала уничтожить образ князя Мина, придумавшего великий план?! — Юмор Жун Ху сейчас вызывал лишь недоумение, лишая князя дара речи.

Кажется, его образ «придумавшего великий план» и «гуру магии» обязательно нужно было поддерживать, потому князь только и мог, что объяснить Лэ Тину:

— На самом деле выдающийся фокус заключается в том, чтобы напугать даже того, кто в нём

участвует...

К счастью, Лэ Тин обладал великодушием и на процесс магии, который заключал в себе его оглушение и запихивание под сиденье повозки, нисколько не обратил внимания, более того, мужчина расхохотался и одобрительно проговорил:

— Верно, появляться, как дух, и исчезать, как призрак[12], — это и есть наивысшее проявление магии. На самом деле, в военных делах подобное частенько применяется. Если князь Мин возглавит войска и поведёт в бой, то, непременно, станет знаменитым генералом своей эпохи. Э, неизвестно, тот загоревшийся благородным гневом посланник Его Высочества явится сегодня, и мы сможем с ним выпить несколько чашечек вина?

— За... загоревшийся благородным гневом? — Фэн Мин уже хотел было почесать в затылке, но находящийся сзади Жун Ху слегка ткнул его в бок и тихо проронил: «Он согласился прийти». Видимо, это и было то самое объяснение Лэ Тину, и впрямь крайне неясное, потому князю ничего другого не осталось, как ответить: — Хо-хо, этот загоревшийся благородным гневом. Он согласился прийти, только некоторые дела задерживают. — После чего вновь обернулся к Жун Ху и также приглушённо едва понятно спросил: — Правда согласился прийти? — На самом деле князь не успел познакомиться с Сяо Лю, да что уж там, он даже словом не успел с ним обмолвиться.

Кстати, то, как они сначала сотрудничали на благо такого «грандиозно-тонкого магического плана», который неожиданно увенчался успехом, а после знакомились, являлось классическим образцом редко встречающегося молчаливого согласия.

На что Жун Ху кивнул:

— Он согласился, как только сможет, так сразу же явится.

Услышав ответ, князь, немного успокоившись, протянул: «М-м».

Всё это время сидевший сбоку Ло Юнь уже давно понял: когда князь сомневался в чём-то, то непременно спрашивал Жун Ху, и невольно тихо вздохнул, качая головой. Такой, казалось бы, уверенный в себе[13] князь на самом деле в душе был растерянным юношей. Как он мог называться молодым господином рода Сяо?

Тема разговора торжественного обеда кружилась вокруг сегодняшнего блестящего представления. При упоминании горящего деревянного ящика у каждого было своё виденье, Цю Лань и близняшки хоть уже слышали слова Фэн Мина, но, слушая эту историю от других, всё равно как всегда вскрикивали безостановочно, бледнея и ощутимо дрожа от страха.

И раз уж это триумфальный банкет, то, конечно, достали разную драгоценную посуду, сам же молодой господин рода Сяо выбирал только лучшую, что имелась на корабле, ещё постоянно приговаривая: «Сегодня праздник, поэтому необходимо подавать всё самое лучшее», и в

результате на торжественном столе помимо всего прочего поставили ещё горные и заморские деликатесы, более того, даже Цю Лань, этот высококлассный шеф-повар, лично всё нарезала, а редкие продукты только увеличивали мастерство шеф-повара, словно самый лучший визажист трудился изо всех сил, наводя красоту, что получена в дар от небес[14], потому цвет, вкус и запах получились выше всяческой похвалы.

Тайцань, конечно, увидев всё это, непрерывно охал от изумления, даже Лэ Тин, привыкший пользоваться благами генеральской жизни, взял палочки и отведал кусочек, отчего его брови невольно поползли вверх, а сам мужчина восторженно воскликнул:

— Как это приготовлено? Если бы на императорской кухне отведали это, то наверняка умерли бы от смущения. Кто бы мог подумать, что в мире найдутся такие вкусные блюда!

Цю Лань от полученных комплиментов светилась от счастья, даже сказать что-либо была не в состоянии. Атмосфера становилась ещё более оживлённой и шумной. Цю Юэ, заранее подготовившись, спросила князя:

— Развлечения уже готовы, можно сейчас начать?

Фэн Мин кивнул, и Цю Юэ помчалась, приказывая всем выйти.

После чего князь Мин обратился к генералу, смеясь:

— Генерал Лэ, мы здесь не только вкусно поесть собрались, но и хорошенько отдохнуть под песни и танцы, через минуту позволим Вам увидеть поразительное представление, которое послужит наградой за столь великодушную помощь, оказанную генералом.

— Нет! Нет! У нас взаимопомощь, не более. Как осмелюсь принять слово «награда», сказанное князем Мином?! — Лэ Тин медленно помахал рукой и затем уже специально хмуро добавил: — Но после превосходного ужина Его Светлости, что мы отведали, если Лэ Тин не насладится восхитительными песнями и танцами, то по возвращении домой я не смогу год спокойно спать.

Фэн Мин, не ожидая, что генерал так красноречиво пошутит, невольно расхохотался.

В этот же момент зазвучала мелодия флейты[15], а звучащий в музыке смех медленно проник в уши каждого из присутствующих. Мелодия небес была очень спокойной и чарующей.

В комнате вновь раздался смех, однако он ни на волос не перекрывал звучание флейты, которое, казалось, стало ещё легче, заставляя каждого из гостей невольно вслушиваться. Пока длилась музыка, каждый, непроизвольно закрыв рот, наострил уши и ловил этот едва слышный звук, несмотря на то, что это было неожиданно, но совершенно не принуждённо или резко. Лёгкий перелив переходил в низкий, в жалобно печальный, а когда вновь звучал переход из одного тона в другой, музыка становилась ещё более трогательной.

На берегу реки, где сейчас стояла большая джонка, находился лес, ночной ветерок проникал в окно и своей свежестью щекотал кончик носа. Лишь речная вода своим журчанием подпевала флейте, рождая ошеломительную и несравненную гармонию.

Флейта пела лёгкую песню, и на удивление в этой мелодии не слышалось ни единого громкого тона, лишь неспешное звучание, которое можно было описать одним словом «непостижимое»; от начала и до конца раздавались только несколько простых нот, однако благодаря им песня звучала ещё более чарующе и заставляла сердце взволноваться. Под конец песня стала медленно отдаляться, все, наострив уши, сосредоточенно ловили едва ясную мелодию, словно, испив чудеснейшего вина, они по-прежнему жадно наслаждались, не в силах расстаться с ароматным послевкусием на языке.

Наконец отзвуки мелодии стихли, и гости, находящиеся в комнате, единодушно протяжно выдохнули от охватившего их разочарования.

Придя в себя, генерал прищёлкнул языком в изумлении и, с восхищением взглянув на Фэн Мина, искренне проговорил:

— Встретившись с князем Мином, понял, что значит превосходно наслаждаться благами жизни. Еда изумительная, однако, чтобы каждый день слушать такую волшебную музыку, я внезапно соглашусь ежедневно есть коренья и древесную кору.

От услышанной мелодии Тайцань тоже был словно до безумия опьянён[16] и воскликнул:

— Только сегодня познал, что является святой музыкой, не знаю, кто мог сыграть такую трепетную мелодию. Можно ли попросить князя Мина позвать сюда этого человека, позволив Тайцаню лично его поблагодарить?

Лэ Тин немедленно громко выразил одобрение:

— По правде сказать, я тоже хотел бы встретиться с исполнителем. — И умоляюще поглядел на Фэн Мина.

Пребывая в ни с чем не сравнимом потрясении, князь не предполагал, что в его подчинении находятся множество талантливых людей на любой вкус и цвет, а среди них прятался ещё и талантливый музыкант, и немедленно, слишком обрадовавшись, юноша обернулся, говоря:

— Конечно, встретимся. — И, увидев, как в комнату входит Цю Лань, похвалил, смеясь: — Превосходная Цю Лань, как ты могла прятать такого потрясающего человека? Спасибо тебе за репетицию такого блестящего номера, который превзошёл даже моё магическое представление. Здорово! Скорей приведи сюда того, кто только что играл на флейте, дабы мы смогли с ним познакомиться!

— Князь Мин говорит о только что игравшей флейте? — На лице девушки отразилось недоумения больше, чем у всех собравшихся гостей. — Откуда же мне знать, кто играл на ней. Мне тоже интересно, действительно превосходная откуда-то доносящаяся музыка, её настолько приятно было слушать, что даже хотелось затаить дыхание. Наши подготовленные развлечения мы ещё не показывали. — Все, услышав ответ служанки, застыли от удивления.

Привыкший убивать людей Сяо Лю обладал отличной бдительностью. Сделав внушительный взгляд, юноша поднялся и приглушённо предположил:

— Если звучание флейты доносилось не с джонки, то, должно быть, откуда-то неподалеку от неё. Появился непрошенный гость, я пойду посмотрю, а ты, Жун Ху, оставайся охранять.

Затрагивалась безопасность князя Мина, потому Жун Ху, который, конечно же, тесно сотрудничал с Ло Юнем, кивнул, бросая: «Хорошо», и уже сжал рукоять меча.

Однако князь Мин, только что подвергшись очарованию музыки, пребывал в опьянённом от счастья[17] состоянии, к тому же ему было крайне любопытно узнать, кто же играл на флейте, поэтому, встав с места, он последовал за Ло Юнем:

— Я тоже пойду посмотрю, может, кто действительно поблизости.

Ло Юнь же, слегка нахмутив изящные брови, с холодным выражением лица ещё не успел ответить, как Лэ Тин также поднялся и заговорил:

— Я тоже пойду посмотреть, надеюсь, этот человек недалеко ушёл.

Вслед за ним Тайцань тоже, не выдержав, встал:

— А можно и мне пойти посмотреть?

И только наевшаяся беременная[18] жена Чао Аня, потянув на себя супруга, шёпотом спросила:

— Ты что, присоединишься к веселью? Наслушавшись флейту, должен уже быть удовлетворён.

На что Чао Ань, ласково улыбаясь, обратился к жене:

— Что плохого в том, чтобы увидеть этого человека? Хочешь, чтобы я не уходил, тогда я останусь, и всё.

Но супруга Чао смущённо дрогнула, качая головой, и больше не проронила ни слова.

— Я лишь в сторонке постою и погляжу, хорошо? — решил обсудить проблему Фэн Мин с Ло Юнем. — И никак не помешаю тебе.

На что юноша, не глядя на князя, обратился к Жун Ху:

— Что думаешь?

Заметив, что слуга никак не выказывает уважение князю Мину, Цю Лань и близняшки внезапно вспыхнули. Жун Ху ещё ничего не успел вымолвить, как Цю Юэ начала задираться:

— Если князь Мин хочет посмотреть, значит, посмотрит, кто это был. Что в этом такого особенного? Неужто не защитишь князя Мина, выйдя из комнаты?

Цю Лань также поддержала:

— Верно.

Будучи и впрямь немного подкаблучником — стоило Цю Лань открыть рот, и ей слишком трудно будет противостоять — Жун Ху подумал немного, после чего покачал головой:

— Князь Мин посмотреть-то посмотрит, только ему запрещается отходить от меня даже на три чи[19].

Фэн Мин обрадовался и тотчас же отозвался, соглашаясь.

Толпа немедля покинула гостиную. Цю Юэ, посчитав это огромной победой над Ло Юнем, прошла мимо и, не удержавшись, слабо фыркнула.

Но, оказавшись на палубе, никто не обнаружил ни души.

Отправившись на разведку, охрана семьи Сяо вскоре вернулась с докладом:

— Внизу обыскали все комнаты — никаких посторонних людей не нашли, но мы усилили охрану, разместив её на нескольких палубах джонки, оставшаяся часть охраны будет защищать молодого господина. — После мужчина вновь предположил: — Музыка как будто доносилась с реки.

Услышав это, Фэн Мин и остальные, как гости, так и слуги, толпой вышли на палубу и обратили взор на поверхность реки.

Лунный свет, отпечатавшись на водной глади, пронизывал воду, одаривая серебряным

сиянием. Так где же там тот, кто играл на флейте?!

Все, вытянув шеи, долгое время искали взглядом, но даже тени этого человека не увидели, не говоря уже о самом исполнителе, отчего невольно почувствовали, как лёгкое разочарование охватывает душу.

На что Цю Юэ бездумно предположила:

— Может, это небожитель играл, ведь Всевышний наверняка знает, что князь Мин сегодня спас человеческую жизнь, потому спустился с Небес и сыграл для него песню в знак поощрения.

Её невинное мнение, конечно же, мало кто одобрил, даже вечно поддерживающая её близняшка — Цю Син — на этот раз осталась в стороне, ну а большинство, не став высказываться против, и вовсе сделало вид, что не услышало этих слов.

Но Ло Юнь крайне неуважительно фыркнул, рассмеявшись, однако вскоре улыбка исчезла, а на лице появилось выражение холоднее, чем обычно.

Даже коленям Цю Юэ стало понятно[20], что юноша насмехается над ней, отчего сама служанка настолько разозлилась, что аж заскрежетала зубами, вот только она и сама понимала, что её точка зрения прозвучала крайне глупо, да и ответив сейчас на высказанную провокацию, в дальнейшем она непременно может подвергнуться насмешкам, поэтому служанке ничего другого не оставалось, как стерпеть это в гордом молчании.

И раз уж не нашли чудесного исполнителя, всем ничего не оставалось, как вернуться в гостиную. Вот только после прослушанной мелодии не было желания наслаждаться подготовленными песнями и танцами. Никакое блестящее выступление не могло сравниться с только что игравшей волшебной музыкой.

Оставалось лишь есть и пить. Но вкусная еда вскоре наполнила желудок, теперь оставалось только напиться.

Тайцань без какого-либо интереса пил вино, только что вышедший из тюрьмы и спасшийся от смерти Чао Ань, как и его беременная жена, не притрагивался к вину, Жун Ху вместе с Ло Юнем несли ответственность за охрану, ну а князь совершенно не умел пить, а сейчас вообще сидел задумавшись, и только Лэ Тин настойчиво уговаривал выпить. Но пить с самим собой разве интересно?! Вскоре и Лэ Тин почувствовал равнодушие к алкоголю.

Эта свалившаяся как снег на голову и бесследно исчезнувшая музыка, казалось, оставила после себя в шумном веселье, каким оно должно было являться изначально, необъяснимый осадок сожаления. Но никто не винил её за столь внезапное появление.

— Князь Мин, скоро час[21] будет, — тихо напомнила о времени сидящая рядом Цю Лань.

В конце концов Сяо Лю они так и не дождались. Фэн Мин невольно беспокоился за юношу, но Жун Ху, будучи необыкновенно уверенным в товарище, с лёгкой улыбкой вернул:

— Вполне возможно, что крайне смыслённый Сяо Лю расхлёбывает очень важное и не терпящее отлагательств дело.

Они подождали ещё чуть-чуть, но так никто не появился. Беременная жена Чао Аня слегка зевнула, не выдержав. Взглядом уловив её жест, Фэн Мин понял, что пора бы расходиться, и посоветовал Тайцаню:

— Ваша младшая сестра, видимо, уже устала, по-моему, вам лучше отправляться в дорогу.

Поначалу горячий желанием встретиться с посланником наследного принца, чтобы выказать ему благодарность за спасение зятя, и затем выдвигаться в путь, Тайцань понимал, что уже скоро перевалит за полночь, и неизвестно, когда Сяо Лю явится. К тому же у мужчины уже всё было подготовлено: собрал все ценности и договорился с лодочником, который после того, как Тайцань отблагодарил бы своих благодетелей, отвёз всю чиновничью семью подальше от этого места. Но чем дольше он ждал, тем сильнее невольно начинал волновался: может ли лодочник, не увидев их в назначенный час, тихо уплыть?! Потому, услышав совет Фэн Мина, чиновник, конечно, согласился и просил от его имени поблагодарить «уважаемого посланника», трижды повторив:

— За столь великую милость этот рабочий скот[22] лишь в следующей жизни сможет отблагодарить. — Поведя за собой семью, мужчина остановился, обернулся и вновь поклонился в землю Фэн Мину и Лэ Тину, после чего нехотя, словно не в силах расстаться, вышел прочь.

Увидев, как они, сев в маленькую лодку, исчезают в безбрежных сумерках, Лэ Тин со вздохом сказал:

— Этому генералу тоже пора выдвигаться, к сожалению, так и не встретившись с посланником наследного принца.

На что князь изумлённо спросил:

— Генерал не будет ждать? Кто знает, может, он вскоре придёт.

Лэ Тин горько улыбнулся:

— Я, в конце концов, являясь генералом Юньинь, тайком пришёл сюда, и мне ещё незаметно стоит вернуться к себе. Если дождусь рассвета, то скрыть свой след будет крайне затруднительно. Более того, ещё тогда, когда меня на дороге, преградив путь, оглушил

господин Лю, я уже вынес урок и не осмелюсь вновь в одиночку ехать куда бы то ни было. Признаюсь по секрету князю Мину, близ берега мои приближённые слуги уже накопили ночную росу[23], как я могу позволить ещё подождать себя?!

Фэн Мин, поняв, о чём говорит генерал, прыснул от смеха:

— Вот оно что. Не смею задерживать генерала, до скорой встречи.

И, сложив руки в знак почтения, мужчина поклонился, приглушённо добавив: «До встречи!», вновь скрыл лицо маской, развязал канат лодки, что была пришвартована неподалёку, и, распрощавшись, уплыл прочь.

Примечания:

[1] «Цветы сердца бурно расцвели», обр. в знач.: приходить в восторг; ликовать, быть в восторге.

[2] В оригинале фраза звучит как «на тысячу благодеяний десять тысяч благодарностей», обр. в знач.: быть безгранично признательным.

[3] Малая монета; наименьшая основная металлическая монета с квадратным отверстием в середине, введена при императоре Ван Мане (правил в 9-23 гг.).

[4] В оригинале 公公 переводится как «муж старшей сестры» или же «зять/шурин», но мы решили назвать Тайцаня старшим братом, так как он приходится шурином Чао Аню.

[5] В оригинале фраза звучит как «тривиальные рассуждения мудреца», обр. в знач.: прописные истины, избитые фразы.

[6] Фраза 欠账(zhè bǐzhàng) переводится как «припомнить, поквитаться», однако она также является образным выражением чей-либо обиды, неприязни или спора, конфликта. Сама фраза впервые упоминается в книге «Неофициальная история конфуцианцев» (роман У Цзинцзы) в третьей главе: «Неизвестно, сколько тысяч ударов железной палкой приказал Янь-ван записать на тебя своим подручным! Какая разница, если прибавится еще сотня палок? Я думаю, что все палки обломают о тебя задолго до того, как тебе придется расплачиваться за этот грех».

[7] Обр. о богатстве воображения, неуёмной фантазии.

[8] В оригинале фраза в конце предложения переводится как «необычное звучание, необычный голос», обр. выдающийся, незаурядный, необычный, исключительный. Дело в том, что имя Фэн Мин (凤鸣) переводится как «песнь феникса», образно означая «приятные для слуха звуки». Слова генерала можно расценивать как «песнь феникса оказалась действительно необычной».

[9] Как мы понимаем, «сильно увлекаться», так как имеется в виду жидкая пища.

[10] Цю Юэ говорит 酒肉朋友(shì zuì huì lài jǐ de) — что означает «являться алкогольно-зависимым, быть выпивохой».

[11] В оригинале фраза звучит как «платье небожителей не имеет швов», обр. в знач.:

совершенный, безупречный, без изъянов, идеальный.

[12] Обр. в знач.: мгновенно, как по волшебству; неуловимо.

[13] В оригинале фраза звучит как «в душе (в уме) иметь готовый бамбук (прежде чем начать рисовать его)»; обр. в знач.: иметь ясное представление о способе решения задачи, иметь готовый план в голове, быть в полной готовности.

[14] О естественной женской красоте.

[15] Люди на корабле слышали звуки сяо — продольной бамбуковой флейты.

[16] В оригинале фраза звучит как «словно пьяный и глупый», обр. в знач.: обезуметь от счастья, опьянеть от впечатлений.

[17] «Словно пьяный и глупый», обр. в знач.: обезуметь от счастья, опьянеть от впечатлений.

[18] 大腹便便(dàfù piánpián) переводится как «полное набитое брюхо, толстобрюхий, толстопузый». Как мы понимаем, женщина не только беременная, но и поела хорошо, поэтому мы здесь написали оба варианта.

[19] Чи равно 0,34 метра, т.е. Фэн Мину нельзя отходить от Жун Ху на расстояние даже одного метра.

[20] В оригинале фраза дословно звучит как «с помощью колен подумай и поймёшь», аналог русской фразе «и ежу понятно».

[21] В древнем Китае время суток было поделено на отрезки времени, равные двум современным часам. Первый большой час суток — от 11 ч. вечера до 1 ч. ночи.

[22] Обр. в знач.: подневольный люд, кабальные.

[23] Как мы понимаем, генерал говорит, что его слуги сидят и не двигаются, ждут его, собирая на себе росу.

<http://bllate.org/book/13377/1190222>